

вековых булгар, одновременно с дискредитацией старой археологогенетической модели, показывают продуктивность методики этнологического синтеза. Этот подход отвергает руководящую роль одной единственной науки и заменяет ее всесторонней и сбалансированной междисциплинарной интеграцией. Это, наконец, позволит вместо простых «уравнений» и банального «здравого смысла» археологической этногенетики приблизиться к сложной и многоступенчатой процедуре этнологических исследований, с использованием данных различных наук. Разумеется при этом, как справедливо писал Л.С. Клейн (1988), «такая смена подхода сделает исследования по этногенезу более трудными для эмпириков, вовсе недоступными для дилетантов и совершенно непривлекательными для энтузиастов априорных идей о том, откуда “должны” происходить те или иные народы. Что ж, это обычная и не слишком высокая плата за приближение к истине и становление науки».

К.А. Руденко

О ВЕРХНЕЙ ГРАНИЦЕ БЫТОВАНИЯ ВЕЩЕЙ АСКИЗСКОГО ОБЛИКА В ПОВОЛЖЬЕ И ПРИКАМЬЕ

Древности аскизского облика в последнее время четко выделяются в материале памятников Поволжья и Прикамья¹. К ним можно отнести изделия нескольких категорий (рис. 1–6). Это предметы вооружения (наконечники стрел, защитный доспех) и детали конской упряжи (накладки, пряжки, удила и псалии).

Выявленные типы находок такого рода появляются на памятниках Волжской Булгарии в определенный хронологический промежуток – в первой половине XI века и ранее в материалах нашего региона не встречались². Это относится, прежде всего, к предметам вооружения (рис. 6). Элементы конской упряжи до этого времени в основном представлены в археологическом материале бронзовыми украшениями и железными псалиями и удилами. Позже украшения ремней сбруи стали не только изготавливаться из железа и инкрустироваться (серебром или медью), но и сам способ соединения ремней упряжи стал иным. Вместо жесткой фиксации концов ремней в «тройнике» используется облегченный вариант с подвижным соединением с помощью промежуточного колечка, к которому крепятся металлические наконечники.

Появляются новые мотивы в форме и оформлении поделок в целом, а также в технологии их изготовления. С изделиями аскизской

культуры их сближают следующие детали. Это использование в украшении предметов инкрустации металлом; наличие в форме и оформлении их таких элементов как скобчатость и фигурноскобчатость, шлемовидные и килевидные окончания (рис. 1–4), а также окончания с боковыми выступами³. Последний элемент декорации характеризует в большей степени и собственно аскизские изделия, найденные в Волжской Булгарии (тип Е1, Е2, Е3 железных накладок) на Остолоповском селище⁴.

Сейчас можно говорить и о собственно болгарском типе изделий такого рода. Они характеризуются объемностью с «выборкой» внутренней стороны с помощью зубильца, распространением шарнирных соединений, в том числе на пряжках (тип В1 и В2) и декоративных элементах сбруи (тип накладок – Б5). В оформлении используются вильчатые и шатровые окончания, декоративные «перетяжки и пояски» на внешней поверхности.

По составу деталей можно предположить, что данные изделия являлись частями и декоративным убранством не только уздечки, но и сбруи в целом (например, накладки типа Б5). Кстати наличие таких изделий ярко отличает поволжско-прикамский комплекс от сибирского, пензенского и собственно аскизского и сближает его с находками в башкирском Приуралье^{5*}.

Таким образом, круг изделий аскизского типа в Волжской Булгарии ограничивается в целом небольшим количеством категорий, связанных с военным делом и конским снаряжением. С другой стороны изделия этого круга широко распространяются на болгарской периферии и на сопредельных территориях. Возникает закономерный вопрос, – является ли это явление локальным или имеет более широкие рамки распространения?

Опубликованный материал показывает, что массовое распространение находок такого рода (по аналогии с болгарским материалом) не выходит за пределы среднего течения реки Камы и выше по течению, а на памятниках Перми Вычегодской уже не встречается. Нет их на памятниках Предуралья и Зауралья. Таким образом говорить об определенной «моде» в масштабах региона или в более широких рамках на такие изделия у нас нет оснований. Более того, все эти изделия не являются исключительно болгарским импортом, а изготавливались непосредственно на местах и использовались не только как детали конской упряжи, но и как части поясных ремней на одежде.

* Благодарю А.Ф. Яминова за возможность ознакомиться с находками из исследованных погребений (К.Р.).

Тем не менее, все рассмотренные предметы XI–XII вв. в регионе устойчиво сохраняют основные черты изделий аскизского облика: материал (преимущественное изготовление из железа), форма, оформление, технология. Является ли это показателем хронологическим или этнокультурным?

Рассмотрим хронологический аспект проблемы. На территории Среднего Поволжья и Прикамья появление изделий «аскизского облика» относится ко времени не позднее XI века⁶. Верхняя граница их бытования более неопределенная. По аналогиям можно утверждать, что в ордынскую эпоху на территории Волжской Булгарии бытовали только некоторые типы накладок, в основном в виде круга или розетки, но и они крайне немногочисленны.

Аскизский стиль в украшениях, выражающийся в форме и оформлении деталей изделий, проявляется неравномерно и не создает какого-либо канона. Если мы будем анализировать ювелирные изделия ордынского времени с болгарских памятников, то здесь больше сказывается влияние регламентируемой моды и моды эпохи⁷, где элементы аскизского стиля присутствуют опосредованно.

Каковы же материалы ордынского времени аскизского облика на памятниках Сибири и Поволжья? Памятники Сибири, датированные в основном ордынским временем, дают несколько иной состав находок. Так в Томском Приобье XII–XIV вв. Астраханцевский курганный могильник содержит фигурнолистные накладки, вероятно, с подвесками⁸, в этом же могильнике найдены пластинчатые вытянутые накладки с «носиком» и с выступами по краям⁹. Кстати комплекс этого погребения скорее домонгольский, чем ордынский и отличается отсутствием предметов вооружения¹⁰. По форме близки к накладкам типа Д4 украшения из погребения кургана 2, железные накладки вытянутые прямоугольные с треугольным вырезом с одной стороны и ромбическим выступом с другой из кургана 27, погр. 2 из могильника у устья Малой Киргизки, датированные XIII–XIV вв.¹¹

Железный набор из крючка на треугольной пластине и прямоугольной накладки встречен в кургане 56, погр. 2¹²; оригинальны детали упряжи с «усами», не встречающиеся в нашем регионе, здесь же найден колчанный крючок¹³. Вообще наиболее четко аскизские черты «читаются» на встречающихся достаточно часто крючках на пластинах преимущественно подромбической формы¹⁴. Менее определенно можно это сказать о прямоугольных пластинчатых накладках¹⁵. Л.М. Плетнева считает, что конское убранство «находит аналогии в материалах аскизской культуры, в том числе в материалах XIII–XIV вв.»¹⁶.

К ордынскому времени исследователи относят комплекс находок «аскизского облика» из северного Казахстана¹⁷, хотя датировка этих материалов может быть расширена до XII века. В целом материалы сибирского региона в большей степени имеют широкую датировку XII–XIV вв. или XIII–XIV вв.

В этих границах с акцентом на период монгольского нашествия атрибутируются находки из Башкирии и Пензенской области¹⁸. Тем не менее, убедительных материалов, дающих основание к сужению этой даты для находок Поволжья и Приуралья до XIII–XIV вв., мы не находим. До публикации находок из Предуралья этот вопрос рассматривать преждевременно, а пензенский комплекс разнопланов и весьма оригинален. Полная его публикация Г.Н. Белорыбкиным и анализ этих данных позволяет предполагать наличие нескольких культурных и хронологических комплексов¹⁹. Таким образом, мы вынуждены признать, что в Сибирско-Уральском регионе можно рассматривать эти изделия только в достаточно широких хронологических рамках: XII–XIV вв. Датированные комплексы Волго-Камья позволяют ограничить бытование основной массы изделий аскизского круга XI–XII вв.

Можно ли связать этот обширный пласт находок с конкретным этносом? Высказано мнение, что распространение железоделательной технологии в изготовлении украшений и предметов сбруи – это явление стадияльного характера²⁰. К техногенной стороне этого явления склоняются авторы исследования технологии и декора художественного металла кочевого мира средневековья²¹. «Суть прогрессивного развития состояла в распространении экономных технологий, позволяющих развиваться, с одной стороны, экономии металла, с другой – удовлетворению массового спроса и (при достаточно хорошем уровне мастерства) эстетических запросов заказчика»²². Тем не менее, и этнический аспект в этом плане отнюдь не отрицается, особенно там где «обработка черного металла была традиционной и имела достаточно развитую технологию»²³.

О непосредственном этническом контакте средневековых культур Посурья и Алтая пишет Г.Н. Белорыбкин. По его мнению носители аскизских изделий жили на Золотаревском поселении с XII века и принимали участие в обороне города от монголов в 1237 году: «со стороны защитников (от монгольских войск. – К.Р.) – булгары, бургасы, мордва, русские, кыпчаки и что совсем неожиданно, аскизы, жившие в начале II тыс. н.э. на Алтае, то есть за 3 000 км от Посурья. Изучение материалов Золотаревского поселения и окружающих памятников позволяет сделать однозначный вывод о присутствии на нем аскизов как минимум с XII века.

Наиболее ярким свидетельством этого являются железные накладки сбруи, покрытые золотом. Можно предположить, что именно здесь и изготавливали эти украшения»²⁴.

Эта интересная версия, однако, требует более детальной аргументации. Не исключено, что трагические события произошли значительно раньше, чем наступил 1237 год.

Не нашел пока объяснения и тот факт, что в восточноевропейских кочевнических древностях X–XII вв. (половцы, печенеги, гузы) такие изделия либо совсем отсутствуют, либо встречаются в единичных экземплярах. По крайней мере, утверждать, что трансляция аскизских изделий осуществлялась в это время только через тюркских кочевников восточноевропейских степей нельзя. С другой стороны для X–XI вв. намечается путь распространения этих изделий по лесостепной и лесной полосе Предуралья, занятой тюрко-угорскими племенами (ранний чиялик?). Но и эта версия пока может рассматриваться в качестве рабочей гипотезы. Показателен и тот факт, что многие аскизские комплексы X–XI вв. чрезвычайно близки булгарским, что уже отмечалось исследователями (И.Л. Кызласов).

Анализ булгарского материала показывает, что в разные периоды истории истоки и характер отмеченных явлений были различны. Здесь сочетались техногенные тенденции внутреннего развития ремесла, импорт технологий, культурная трансляция, торговый импорт и этническая основа.

Хронологически широкое распространение изделий аскизского облика приходится на XI–XII вв., практически не захватывая ордынский период. Универсальные вещи (колчанные крючки, детали сбруйного набора) могли бытовать и в XIII–XIV вв.

Таким образом, в Волго-Камском ареале изделия аскизского облика появляются и широко распространяются в XI–XII вв. В течение этого времени происходит типологическое развитие этих изделий на местной основе (функциональная и стилистическая трансформация). «Локальные» комплексы изделий аскизского круга (как собственно аскизского происхождения, так и волжско-камские варианты) фиксируются в первой половине XIII в. В конце XIII – начале XV в. в восточноевропейском материале (торевтика, мелкая пластика) распространяются «аскизские» мотивы в рамках искусства Золотой Орды. Эти хронологические этапы имеют разное историко-культурное содержание, хотя объединяют их общие «аскизские» истоки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XII вв. (археологические аспекты проблемы) // Татарская археология. № 1–2 (6–7). Тюрко-степное средневековье. Казань, 2000.

² Руденко К.А. Датировка находок «аскизского круга» из Волжской Булгарии // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Казань, 2000.

³ Там же. С. 81., табл. А.

⁴ Там же. С. 85, рис. 5; о типологии см.: *Он же*. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XII вв. (археологические аспекты проблемы). С. 42–102; *Он же*. Булгарские железные пряжки и накладки (X–XIV вв.) // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Мат-лы науч. конф. / Тр. ГИМ. М., 2000. Вып. 122.

⁵ Яминов А.Ф., Гарустович Г.Н. Азнаевский погребальный комплекс как хронологический показатель и этно-культурный репер XIII века // XIV УАС. Тез. Челябинск, 1999.

⁶ Руденко К.А. Датировка находок «аскизского круга» из Волжской Булгарии.

⁷ Руденко К.А. Булгарское ремесло как социо-культурное явление и вопросы его эволюции (постановка проблемы) // Диалог культур Евразии: Вопросы средневековой истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия. Казань, 2001. Вып. 2. С. 87.

⁸ Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск, 1997. С. 115, 116, рис. 65, курган 92, погр. 1; датирован XIII – началом XV в.

⁹ Там же. Рис. 64–9, 10; 68–12, 14, курган 99.

¹⁰ Там же. С. 30.

¹¹ Там же. С. 50

¹² Там же. Рис. 133 – 21, 24.

¹³ Там же. Рис. 137 – 2, 5, 10, 11; 138 – 1, погр. 52^а.

¹⁴ Там же. Рис. 176 – 1; 157 – 8; 185 – 4, 6.

¹⁵ Там же. Рис. 180 – 7, 8, 10.

¹⁶ Там же. С. 90.

¹⁷ Исмагилов Р.Б., Худяков Ю.С. Находки монгольского времени из Северного Казахстана // Диалог культур Евразии: Вопросы средневековой истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия. Казань, 2001. Вып. 2.

¹⁸ Яминов А.Ф., Гарустович Г.Н. Указ. соч.; Белорыбкин Г.Г. Золотаревское поселение. СПб., 2001.

¹⁹ Руденко К.А. Аскизские изделия и изделия аскизского облика в Среднем Поволжье и Прикамье (в печати).

²⁰ Исмагилов Р.Б., Худяков Ю.С. Указ. соч. С. 187.

²¹ Конькова Л.В., Король Г.Г. Кочевой мир: развитие технологии и декора (художественный металл) // ЭО. 1999. № 2. С. 64, 67.

²² Конькова Л.В., Король Г.Г. Указ. соч. С. 67.

²³ Там же. С. 64–65.

²⁴ Белорыбкин Г.Г. Золотаревское поселение. С. 192.

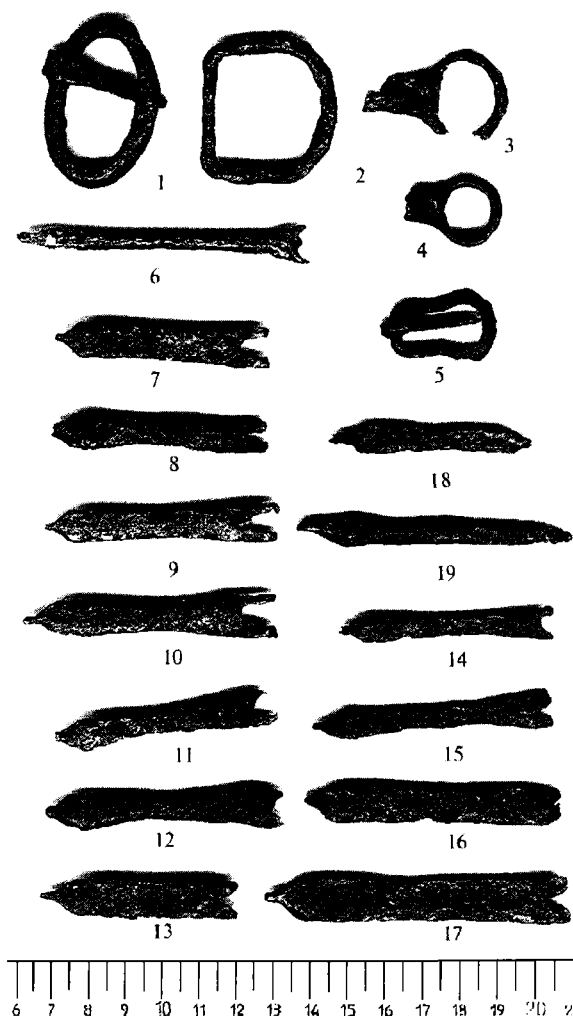

Рис. 1. Поселение Чакма (Лайшевское селище). Железные пряжки (1-5), накладки (6-8, 12-17) и детали шарнирных подвесок (18, 19). Коллекция НМ РТ. Полевой шифр АКУ 271, шифр по КП - 24227, инвентарные №№: 1 - 219, 2 - 346, 3 - 220, 4 - 636, 5 - 220, 6 - 239, 7 - 233, 8 - 243, 9 - 234, 10 - 235, 11 - 232, 12 - 629, 13 - 627, 14 - 628, 15 - 242, 16 - 241, 17 - 240, 18 - 626, 19 - 238.

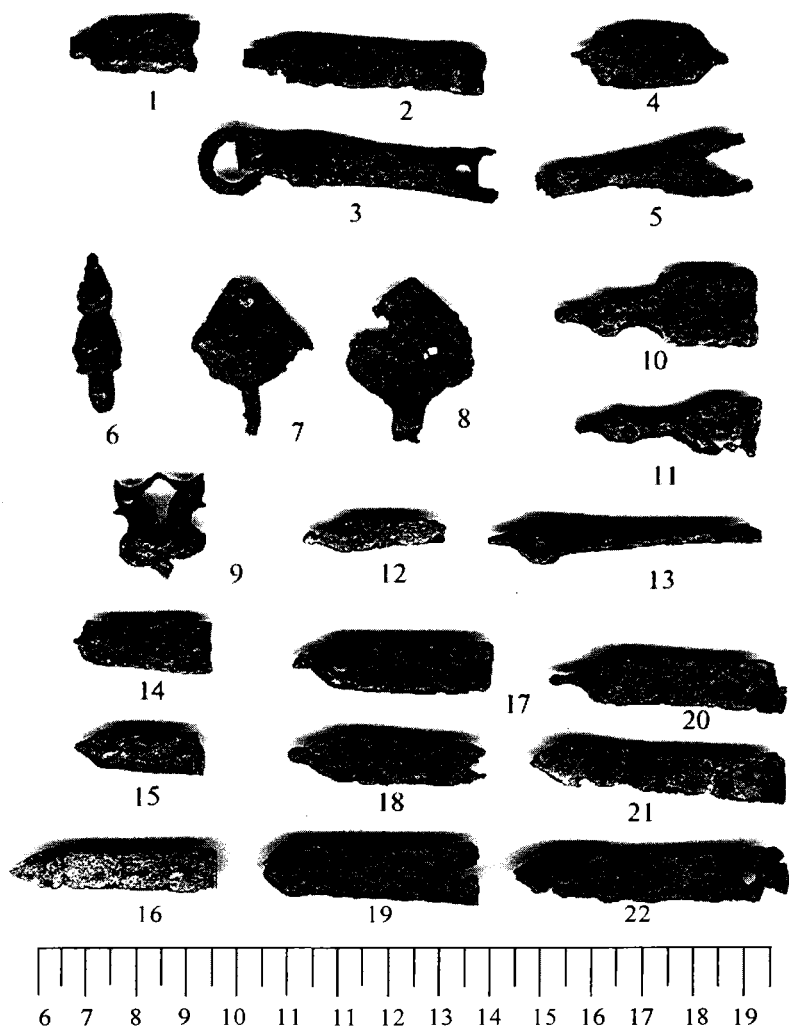

Рис. 2. Поселение Чакма (Лаишевское селище). Железные накладки (7–22), детали распределителей ремней (1–6). Коллекция НМ РТ. Полевой шифр АКУ 271, шифр по КП – 24227, инвентарные №№: 1 – 297, 2 – 345, 3 – 347, 4 – 237, 5 – 625, 6 – 699, 7 – 295, 8 – 294, 9 – 298, 10 – 293, 11 – 292, 12 – 251, 13 – 291, 14 – 296, 15 – 272, 16 – 249, 17 – 248, 18 – 250, 19 – 245, 20 – 247, 21 – 246, 22 – 244.

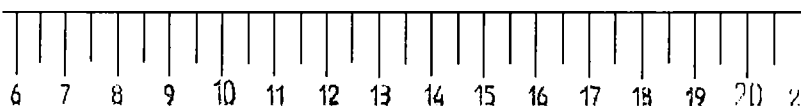
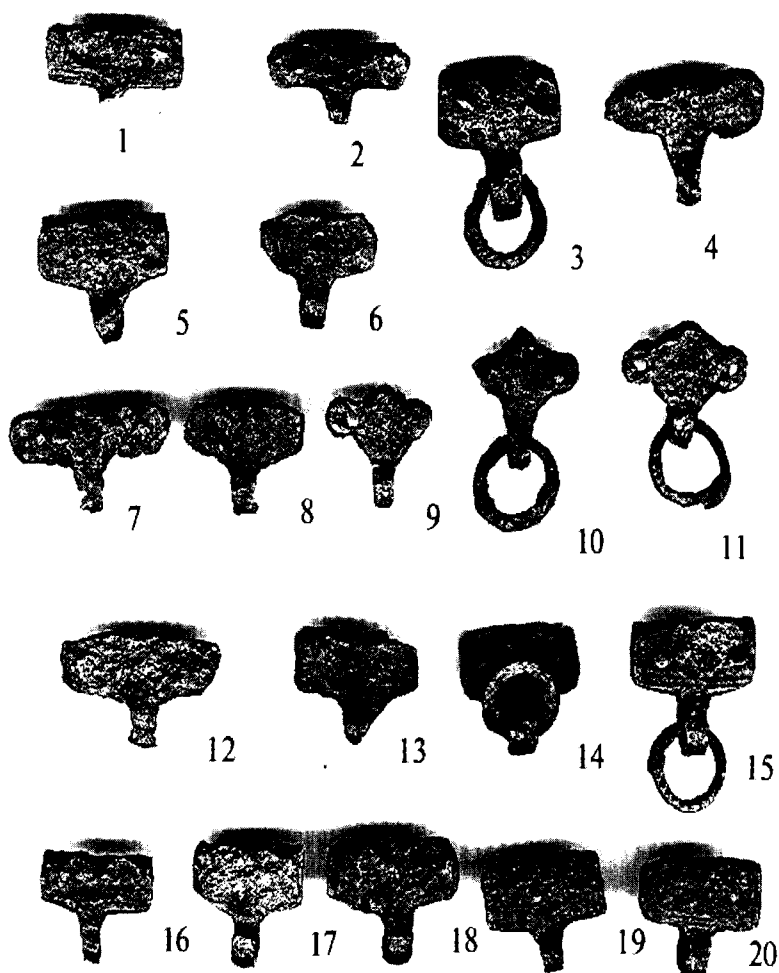

Рис. 3. Поселение Чакма (Лаишевское селище). Железные накладки. Коллекция НМ РТ. Полевой шифр АКУ 271, шифр по КП – 24227, инвентарные №№: 1 – 282, 2 – 276, 3 – 278, 4 – 279, 5 – 225, 6 – 663, 7 – 277, 8 – 288, 9 – 273, 10 – 274, 11 – 275, 12 – 281, 13 – 418, 14 – 273, 15 – 280, 16 – 284, 17 – 290, 18 – 289, 19 – 287, 20 – 286.

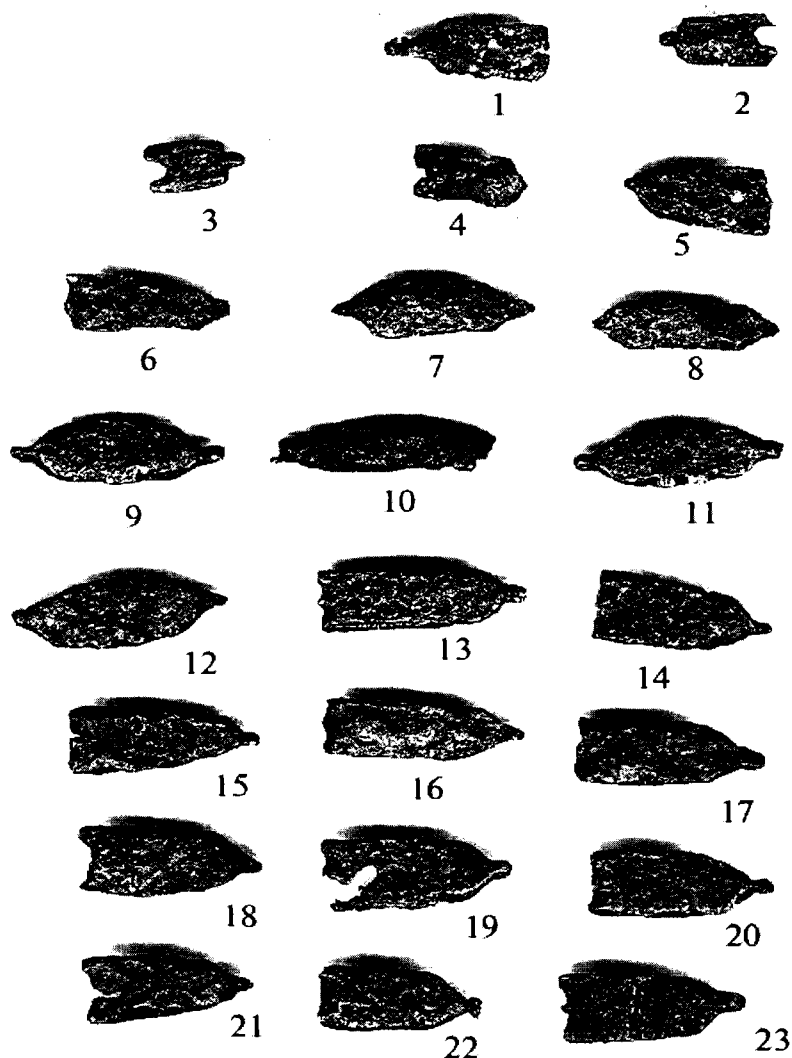

Рис. 4. Поселение Чакма (Лаишевское селище). Железные накладки. Коллекция НМ РТ. Полевой шифр АКУ 271, шифр по КП – 24227, инвентарные №№: 1 – 630, 2 – 271, 3 – 269, 4 – 270, 5 – 260, 6 – 256, 7 – 267, 8 – 262, 9 – 264, 10 – 265, 11 – 266, 12 – 263, 13 – 268, 14 – 252, 15 – 254, 16 – 631, 17 – 257, 18 – 253, 19 – 258, 20 – 255, 21 – 261, 22 – 259, 23 – 632.

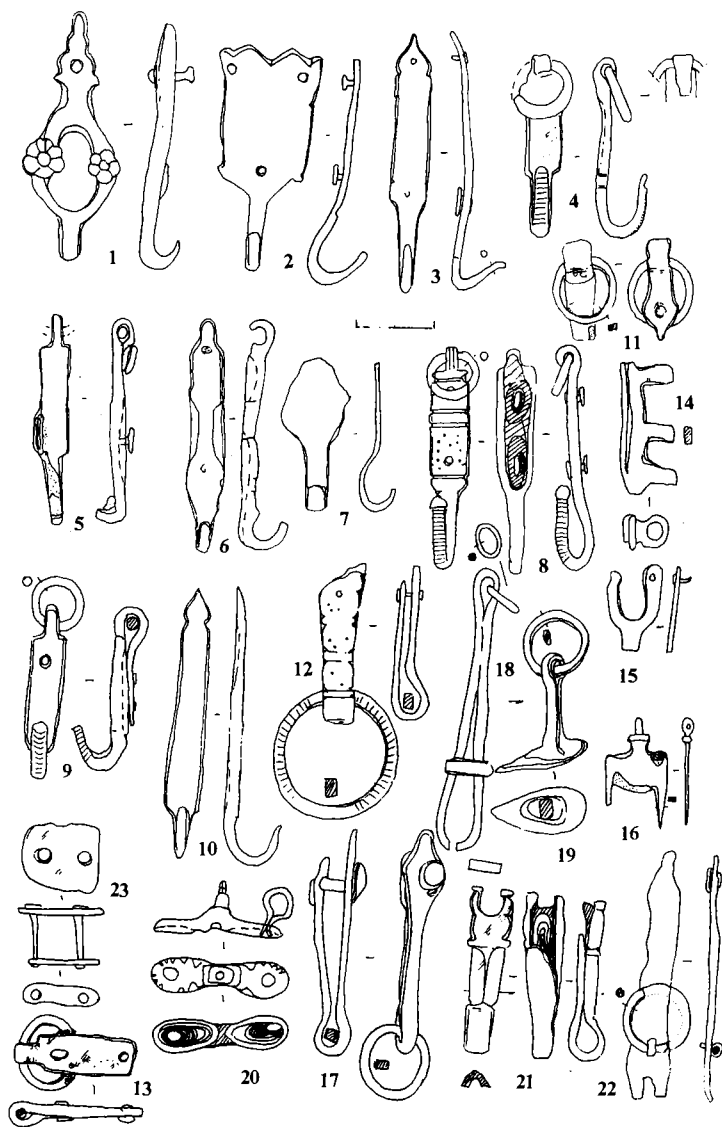

Рис. 5. Железные крючки (1–10), части распределителей ремней (11–13), части конского снаряжения (14–16, 18–22), щипчики (18). 1–4, 8–10 – Билярское городище (коллекция НМ РТ, № по КП: 5427), остальное селище Чакма.

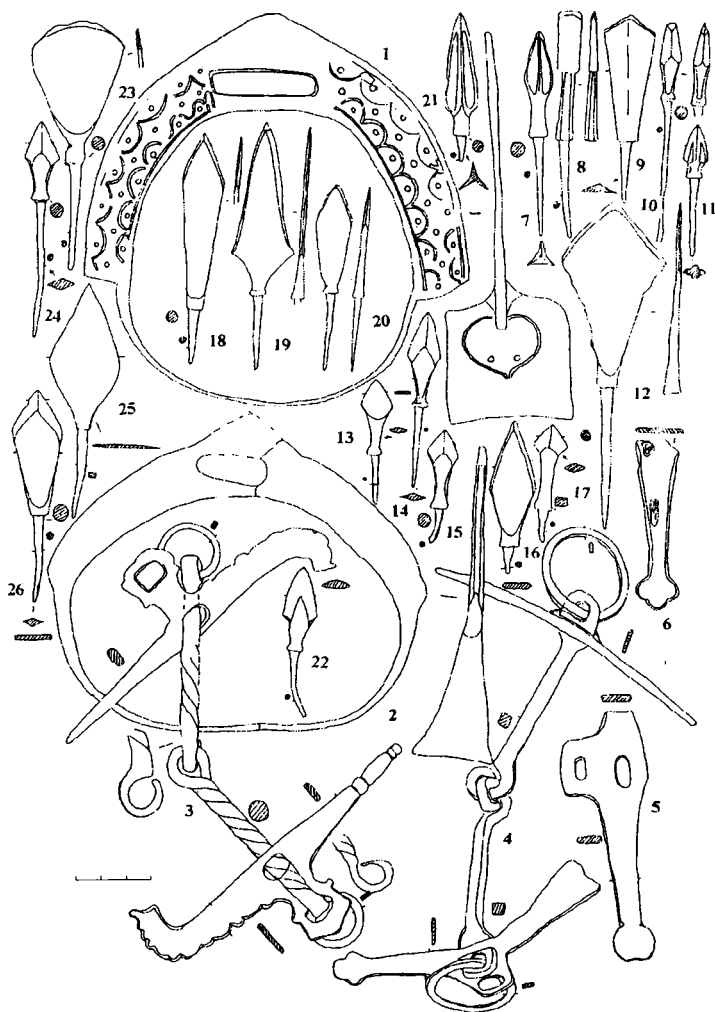

Рис. 6. Предметы аскизского типа с болгарских памятников. 1,2 – стреля; 3,4 – удила; остальное – наконечники стрел. ГМТР 5395-5 Чистопольский уезд: 3; ГМТР : 1; ГМТР 5428 – Билар: 4; ГМТР 8834 – Билар: 5; ГМТР 5427 – Билар: 7–11; Чакма: 2. 21,22; VI Рождествено: 6; VI Алексеевское: 12–17; Остолопово: 18–20; Городище «Городок»: 23–26. Все железо (1 – железо с серебряной инкрустацией).